

Юлия Николаевна Ковалевская¹ (tupa67@mail.ru)

КРИЗИС ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ В 1990-е гг.

Целью статьи является определение основных направлений, объективной и субъективной сторон кризиса повседневности на дальневосточной периферии в 1990-е гг. Научная новизна заключается в контаминации объективных статистических, социологических и экономических данных с локальным эмпирическим материалом, которая позволяет выявить дальневосточную специфику осуществления рыночных реформ. В статье впервые используется новый биографический источник — семейная переписка за 1990-е гг. Анализ научной литературы и полевых материалов показывает, что результатом рыночных реформ стали кризис производства и перераспределение природной и социальной ренты в пользу Центра, приведшие к истощению не только внешней (отдалённой от столицы государства), но и внутренней периферии (глубинки). На дальневосточной периферии кризис повседневности в 1990-е гг. проявился особенно ярко. Причинами его были сокращение производства, безработица и прекаризация труда в отраслях региональной специализации — добывающей промышленности, рыбном, лесном и сельском хозяйстве. Это привело к депопуляции сельских и отдалённых районов, их выморочности и деградации социокультурной сферы, инволюции социального пространства и повседневных практик. Делается вывод о том, что в 1990-е гг. коммерциализация производства и социальной сферы без учёта объективных условий дальневосточного региона вызвала на периферии не просто деиндустриализацию, а редукцию к домодерному образу жизни. Основным средством выживания стало использование природы в самом примитивном виде: рыбная ловля, охота, сбор дикоросов, натуральное хозяйство на приусадебных участках. Это изменение образа жизни сопровождалось разрушением цивилизованной среды обитания — дорог, систем ЖКХ, здравоохранения, образования и культуры. Сокращение населения является как следствием, так и важнейшим фактором кризиса повседневности на Дальнем Востоке. Бегство жителей с периферии, будучи рациональным индивидуальным выбором в условиях инволюции среды и усиления экстрактивности институтов, в общерегиональном масштабе снижает шансы региона на развитие в будущем. **Ключевые слова:** Дальний Восток России, кризис 1990-х, повседневность, практики выживания, прекаризация, инволюция, депопуляция.

Yulia N. Kovalevskaya¹ (tupa67@mail.ru)

THE CRISIS OF EVERYDAY LIFE IN THE FAR EASTERN PERIPHERY IN THE 1990s

The purpose of the article is to determine the main directions, objective and subjective sides of the crisis of everyday life in the Far Eastern periphery in

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

the 1990s. The scientific novelty consists in the contamination of objective statistical, sociological and economic data with local empirical material, which makes it possible to reveal the Far Eastern specifics of the passage of market reforms. The article uses for the first time a new biographical source — family correspondence over the 1990s. Analysis of scientific literature and field materials shows that the market reforms resulted in a crisis of production and redistribution of resources in favor of the Center, which led to the depletion of not only the external (remote from the capital of the state), but also of the inner periphery (remote from the region centers). In the Far Eastern periphery, the crisis of everyday life in the 1990s was particularly pronounced. The reasons for it were the production reduction, unemployment and labor precarization in the sectors of regional specialization — mining, fishing, forestry and agriculture. This led to the depopulation of rural and remote areas, their extinction and degradation of the socio-cultural sphere, the involution of social space and everyday practices. It is concluded that in the 1990s, the commercialization of production and the social sphere without taking into account the objective conditions of the Far East caused not only de-industrialization on the periphery, but a reduction to the pre-industrial lifestyle. The main source of survival became the use of nature in the most primitive forms: fishing, hunting, gathering wild plants, subsistence farming on homesteads. This lifestyle change was accompanied by the destruction of a civilized habitat — roads, housing and utilities, health care, education and culture. Population reduction is both a consequence and the most important factor in the crisis of everyday life in the Far East. Population escape from the periphery, being a rational individual choice in the conditions of the involution of the environment and the strengthening of the extractiveness of institutions, reduces the chances of the Far East for development in the future.

Keywords: Far East of Russia, crisis of the 1990s, everyday life, survival practices, precarization, involution, depopulation.

Повседневность дальневосточной периферии в 1990-е гг. резко изменилась, возростала степень разнообразия её локальных вариантов. Под «периферией» понимают территории, физически наиболее удалённые от региональных центров, больших или средних городов. Но в ещё большей степени — это территории, отстающие в социально-экономическом и культурном развитии [19, с. 14].

В статье ставятся следующие задачи: 1) определить основной тренд эволюции повседневности в постсоветской России; 2) проанализировать ключевые направления кризиса повседневности на дальневосточной периферии в 1990-е гг., его объективную и субъективную стороны. К данным направлениям относятся: а) кризис производства и деградация сферы труда (прекаризация труда в отраслях региональной специализации — добывающей промышленности, рыбном, лесном и сельском хозяйстве); б) сокращение населения («западный дрейф» и «выморочность» поселений); в) деградация социокультурной сферы (инволюция социального пространства и повседневных практик).

Для изучения трансформации обыденной жизни, особенно в мелких и отдалённых поселениях, применялись междисциплинарные аналитические методики, при которых жёсткий каркас объективных данных (статистика, социологическая и экономическая аналитика) объединяется с локальным эмпирическим материалом, полученным в процессе полевых исследований с помощью антропологических методов (фокусированных интервью, анализа личных документов, кейс-стади и др.) [29, с. 191].

В статье впервые использован новый источник — семейная переписка за 1990-е гг. Письма, относящиеся к данному периоду, сохраняют многие аспекты повседневности, утраченные в более поздних воспоминаниях, показывают направление и темпы изменения обыденной жизни, субъективное восприятие вызовов того времени и способы реакции на них.

ОСНОВНОЙ ТРЕНД ЭВОЛЮЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В нормальном состоянии повседневность характеризуется динамическим равновесием стабильности и изменчивости. Обычно все её изменения носят системный характер и затрагивают одновременно как объективные структуры, так и интерпретационные схемы, используемые людьми: «Система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она всё ещё остаётся подходящим инструментом для управления жизнью» [31, с. 215]. Поэтому повседневность называют «верховой реальностью», она составляет основу социального бытия и обеспечивает устойчивость в условиях социальных трансформаций [9, с. 56].

В советском образе жизни сохранилось очень мало преемственных форм с дореволюционной повседневностью, при этом социалистические трансформации носили системный, плановый характер и к 1980-м гг. приобрели устойчивость и стабильность. На Дальнем Востоке СССР эта стабильность опиралась на государственные гарантии базовой безопасности (мирная жизнь, низкая преступность, гарантированная занятость, доступность учреждений образования, здравоохранения и культуры, предоставление жилья и низкие тарифы ЖКХ, транспортная доступность отдалённых населённых пунктов) [20].

Все эти социальные гарантии зависели от государства и поэтому подверглись деконструкции в периоды перестройки и рыночных реформ. В 1990-е гг. произошло фактическое сокращение социальных обязанностей государства по обеспечению базового уровня благополучия. В первую очередь исчезла всеобщая занятость, появилась безработица. Кроме того, с начала 1990-х гг. минимальная заработная плата перестала соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности. С 1991 г. методика расчётов прожиточного минимума в России менялась

трижды, и всегда — в сторону ужесточения. Минимальная потребительская корзина в 1992 г. была в два раза дешевле корзины позднесоветского времени, а прожиточный минимум с 2000 г. стал всего на 15—20% выше физиологического минимума 1992 г.

В постсоветской России социальная политика стала избирательной: государство оказывало лишь адресную помощь, право на получение которой необходимо было доказывать посредством сложных бюрократических процедур. Это затруднило доступ к социальной помощи как раз для самых обездоленных людей: проживающих в отдалённых малодоступных местах, находящихся в трудных жизненных ситуациях. В 2003 г. доля расходов на адресные программы по отношению к ВВП составляла всего 0,41% [33, с. 69].

В 1990-е гг. ярко проявились неравномерность развития Центра и периферии, сжатие заселённого пространства России, расширение не только внешней (отдалённой от столицы), но и внутренней периферии, или глубинки [19, с. 19]. За пределами столичного региона и нескольких городов-миллионников сокращение социальных гарантий, которые обеспечивались наёмным работникам при реальном социализме, не компенсировалось ростом возможностей в другом развивающемся рыночном сегменте (торговле и сфере услуг). Данное обстоятельство поставило большинство трудящихся в ситуацию выживания: снижение дохода в формальном секторе экономики заставило людей «крутиться», но в условиях ограниченного местного ресурса это вело не к повышению благосостояния, а к истощению человеческого капитала и вытеснению на социальное дно. По мнению Ж.Т. Тощенко, с 1990-х гг. в России число людей с неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный характер, постоянно росло, и к 2017 г. прекариат составил до половины всех трудящихся [28, с. 85].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСА ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ В 1990-е гг.

Распад производства и деградация сферы труда. Основу повседневности составляет трудовая деятельность, которая не только является источником доходов, но и формирует социальную структуру, задаёт ритмы жизни сообщества и отдельного человека, влияет на моральные нормы и определяет взгляды на окружающую действительность.

На Дальнем Востоке за пределами крупных городов преобладала специализация на горнодобывающей промышленности, лесном и рыбном хозяйстве. Доля сельского хозяйства в ВРП была незначительной, однако данная отрасль играла важную роль как часть единой социально-экономической системы, предоставляла рабочие места и натуральные продукты местному населению. Кроме того, именно крестьянство в наибольшей степени сохраняло первоначальную культурную матрицу дальневосточного

образа жизни, региональную идентичность, восходящую к традициям первопоселенцев. Поездка в сельскую местность была самым доступным видом отдыха горожан.

Следует отметить, что развитие отдельных районов Дальнего Востока шло неравномерно. В регионе выделялись зоны с различной структурой промышленности. На юге (Приморский край, южные районы Хабаровского края, Амурская и Сахалинская области) сосредотачивалась большая часть промышленных предприятий, в экономике было занято около 75% работников. Менее развитые северные районы Хабаровского края, Амурской области, а также Камчатская и Магаданская области специализировались на добывающей промышленности, обеспечивая освоение уникальных и дефицитных в стране природных богатств (золота, алмазов, полиметаллов, ценных биоресурсов). В 1980-е гг. в данной отрасли на Дальнем Востоке производилось продукции в расчёте на душу населения значительно больше, чем в среднем по СССР [32].

Реформы 1990-х гг. привели дальневосточную экономику и трудовую сферу в состояние глубокого кризиса. В целом в 1993—1999 гг. численность занятых в экономике ДФО снизилась на 518,7 тыс. чел., максимальная официально зафиксированная безработица приходилась на 1999 г. и составила в среднем 15,3% экономически активного населения, но реальная безработица, особенно на периферии и в моногородах, была гораздо выше [21, с. 70—71].

В 1990-е гг. разрушение производственных связей и рост железнодорожных тарифов (более чем в 10 раз) заставили предприятия горнорудной отрасли переориентировать поставки продукции с внутреннего рынка на рынки АТР. При этом они стали зависеть от колебания мировых цен на сырьё. Падение спроса на цветные металлы (олово, вольфрам) на мировых рынках оказало негативное влияние на развитие отраслей цветной металлургии в дальневосточном регионе. В это время были существенно снижены объёмы добычи руды и производства концентратов на всех предприятиях Дальнего Востока, а некоторые горнодобывающие предприятия остановили работу: в Чукотском автономном округе (Иульгинский и Певекский ГОКи), Приморском крае (Хрустальненский ГОК), Еврейской автономной области (Хинганский ГОК) [16].

Опыт закрытия и сокращения горнорудных предприятий до сих пор является травматическим даже для тех людей, которые непосредственно на них не работали. Вот как респондент вспоминает о ликвидации Хрустальненского ГОКа (п. Кавалерово, Приморский край): *«...С 79-го года прожила здесь. Приехала, влюбилась в свой посёлок. Вот прям влюбилась! Как только вот спустилась на эту землю, с самолётиком прилетела. Ой, как мне понравилось, какой был посёлок красивенький. Комбинат работал, продснаб богатейший. Наша скала вот... И комбинат уничтожили... Грубо уничтожили, нагло уничтожили. Людей всех оставили без работы... Директором предприятия... отправили москвича. Я думаю, что именно для уничтожения комбината. Проработав*

немножко, комбинат продали московской фирме „Экология“... Они вывезли остатки руды добытой и затопили все рудники» [АОСПИ. Интервью D01, п. Кавалерово, Приморский край].

В кратчайшие сроки по рекомендациям Международного валютного фонда была проведена реструктуризация угольной отрасли Дальнего Востока. При этом в России «были высвобождены» (т.е. остались без работы. — Ю.К.) 780 тыс. чел. [12]. Для сравнения, ликвидация убыточной угольной отрасли Франции продолжалась почти 50 лет — с 1956 по 2005 г., а в Великобритании и Польше она не завершена до сих пор [9]. Такая «шоковая терапия» была возможна только вследствие отсутствия демократических механизмов защиты трудящихся, сильных профсоюзов и независимых судов.

Многие районы Сахалинской области (Тымовский, Углегорский), Приморского края (Партизанский) и другие сильно пострадали из-за многократного банкротства и закрытия шахт, составлявших основу экономики и занятости населения². Из рассказа одной из респонденток: *«В 97-ом году, примерно, мы попали под массовую ликвидацию угольной промышленности, тогда было первое банкротство и закрытие, а потом уже на базе этой шахты образовали частное предприятие. Потом были конкурсные управляющие, приходившие временно, набивавшие деньгами карманы и уходившие. До сих пор (т.е. в 2013 г. — Ю.К.) предприятие должно большую сумму денег рабочим с того времени. В 2005 г. было очередное банкротство и смена начальника, с того времени работаем без изменений» [АОСПИ. Интервью A05, г. Шахтёрск, Сахалинская обл.].* Вместе с угольной отраслью умерли все связанные с ней вспомогательные предприятия, организации и соответствующие сферы повседневной жизни.

Среди отраслей региональной специализации одно из центральных мест занимала рыбная промышленность. В советский период именно на Дальнем Востоке располагались основные российские выходы к океанам и морям — более 18 тыс. км морских побережий. Добыча рыбы и морепродуктов составляла до 40% от общесоюзных показателей, через порты региона проходило около 60% морского грузооборота страны [2, с. 19]. В дальневосточной экономике на долю рыбного хозяйства приходилось около 52% всей товарной продукции, среднегодовой улов рыбы составлял 73% от общесоюзного — 6,2 млн т. К 1986 г. численность работающих в рыбной отрасли дальневосточников превысила 210 тыс. чел. [23, с. 49].

Особенно зажиточными были приморские и камчатские колхозы, которые кроме промыслового флота владели предприятиями береговой обработки рыбы и морепродуктов, судоремонтными заводами, предприятиями производственно-технологической комплектации, строительномонтажными управлениями и объектами социальной инфраструктуры. На путинах колхозный флот брал рыбы в два-три раза больше, чем

² См.: Решение Углегорского районного суда по поводу выплаты компенсации в связи с закрытием шахты в 1998 г. [22]. Интересно, что суд состоялся в 2010 г., т.е. до тех пор законная компенсация выплачена не была.

суда Министерства рыбного хозяйства СССР (Гослова). За минтаевую путину капитан Гослова получал примерно 4—5 тыс. руб. (в ценах 1987 г.), колхозный имел 10—12 тыс. руб. Развивалась инфраструктура колхозов. Строились жильё, коттеджи для рыбаков (в колхозе «Новый мир» в Приморском крае, например, по шведским образцам), детские сады, стадионы, пионерские лагеря, библиотеки. Процветающими были приморские колхозы «Тихий океан», «Новый мир», «Приморец» и «Моряк-рыболов»; камчатские «Красный октябрь», им. В.И. Ленина, им. Октябрьской революции, «Тумгутум», «Красный труженик» [23, с. 50].

Начавшийся с 1991 г. рост инфляции привёл к снижению покупательского спроса населения, а повышение железнодорожных тарифов, по существу, отрезало дальневосточные территории от центра России. На местных предприятиях резко сократилась добыча рыбы. За 1989—1991 гг. объём вылова в Российской Федерации упал до 3,3 млн т, а по дальневосточному бассейну — до 1 млн т [23, с. 57]. Сокращение флота и падение объёмов вылова вызвало рост безработицы среди рыбаков. Уже к 1992 г. численность занятых в рыбном хозяйстве уменьшилась в 1,7 раза. В 1990 г. средняя заработная плата одного работника рыбной отрасли составляла 559 руб. в месяц, что было в 1,8 раза выше, чем в среднем по пищевой промышленности в стране, в 1991 г. эта разница составила уже лишь 20%, при этом деньги обесценивались неконтролируемым ростом инфляции. В дальнейшем спад производства, сокращение численности работников и зарплат в рыбной отрасли продолжались до 2004 г. [23, с. 59]. Значительные накопления, сделанные рыбаками и переработчиками в 1980-е гг. и достаточные для покупки кооперативной квартиры или автомобиля, в 1990-е гг. «сгорели», обесценив годы тяжёлого труда [8, с. 47].

Полевые источники позволяют узнать подробности жизни, скрытые за цифрами статистики и экономическими выкладками. Одна из наших респонденток 1957 г.р. работала на рыбзаводе в г. Усть-Камчатске Камчатской области в должности заместителя директора по охране труда. Она рассказывает, что в начале 1990-х гг. исчезло государственное финансирование, и руководство области нашло заводу американских инвесторов. В связи с этим постоянная работа превратилась в сезонную (только на время путины), часть персонала была уволена, а оставшемуся пришлось учить английский язык. К 1997 г. завод окончательно закрыли. Многие горожане стали безработными, бюджетникам задерживали зарплату. Для того чтобы выжить, многие усть-камчатцы трудились в специфической сфере, соединяющей «дикую природу» и «дикий рынок»: на ближайшем озере ловили подо льдом рыбу (корюшку), продавали её прямо на месте торговцам — это позволяло купить растительное масло для приготовления той же рыбы, хлеб, сахар, чай и макароны, которые и составляли их «продуктовую корзину».

Наша героиня вставала в 6 часов утра, надевала ватные штаны, пару свитеров, куртку с капюшоном, брала пешню, удочки и пешком шла несколько километров до озера в полной темноте. Там она сверлила лунки

и до 19—20 часов ловила рыбу. Руки трескались от ледяной воды и ветра, открытые части лица приобретали бурый цвет: по этой «маске» бывшие инженеры, бухгалтеры и другие «дамы» могли безошибочно узнавать друг друга. На обратном пути домой она покупала продукты, собирала коробки и доски для растопки и везла их на санках.

Дома ей приходилось преодолевать ту же разруху, что и на производстве. В 1998 г. Усть-Камчатский район не смог подготовиться к отопительному сезону. Вначале топливо для ЖКХ не завозили из-за отсутствия в районе денег, а когда деньги из Москвы пришли — закончился сезон навигации. Город остался без центрального отопления при температуре –30...–40°C. Все трубы парового отопления и канализации разморозились. Люди, поняв, что они целиком и полностью предоставлены сами себе, выживали кто как может. Те, кто имели возможность, уехали, бросив квартиры и имущество. Оставшиеся обходились буржуйками, которые делали местные умельцы на закрывшемся к тому времени консервном заводе. Электричество включалось в лучшем случае на несколько часов в день. Интересно, что пожарная инспекция пыталась штрафовать людей за использование буржоек, но в конце концов уступила здравому смыслу и разрешила вставлять дымовые трубы в шахты вентиляции. Проблема дров стояла очень остро: наша респондентка разбирала и пилила доски от строительных лесов и опалубки, которые сохранились на недостроенном здании недалеко от дома. Пришлось научиться водить мотоцикл с коляской, чтобы ездить за водой, дровами и по иным хозяйственным нуждам [11, с. 67].

В конце 1980-х гг. 12% экономически активного населения было занято в лесопромышленном комплексе, который обеспечивал 10% товарной продукции промышленности региона. В 1991 г. на Дальнем Востоке действовало 82 леспромхоза, 14 лесопильных предприятий, 12 мебельных фабрик, 10 целлюлозно-бумажных заводов. К концу 1990-х гг. закрылись все фанерные заводы, все предприятия по производству древесно-волоконистых (ДВП) и часть — по производству древесно-стружечных плит (ДСП). Были ликвидированы деревоперерабатывающие (целлюлозно-бумажные, химические) заводы. В целом по Дальнему Востоку объём производства в 1998 г. к уровню 1990 г. снизился до 23,2%. За 1990—1998 гг. объём вывозки древесины уменьшился в 3,5 раза, было ликвидировано производство фанеры, целлюлозы; производство картона сократилось в 40 раз, ДСП — в 38 раз, пиломатериалов — в 11 раз, ДВП — в 9 раз [1, с. 89].

Из-за ликвидации широкой сети леспромхозов, которые занимались сбором и переработкой дикорастущих ягод, грибов и лекарственных растений, заготовки этих видов продукции сократились. Так, среднегодовой объём заготовок в 1991—1995 гг. по сравнению с 1986—1990 гг. уменьшился в 2,5 раза, в том числе папоротника — в 2 раза, ягоды — в 2,1 раза, берёзового сока — в 2,7 раза, лекарственно-технического сырья — в 3 раза, орехов — в 4,3 раза и грибов — в 5,3 раза. Ликвидированы были также лесхозы и лесные питомники, т.е. организации, которые занимались охраной и воспроизводством лесов [25, с. 114].

Одновременное существование лесхозов (лесничеств) и леспромхозов в советский период позволяло преодолеть сезонный ритм труда, характерный для лесного и сельского хозяйства. Заготовка древесины производится в основном в осеннее и зимнее время, а сбор дикоросов, лесопосадки и санитарный уход — в весеннее и летнее. Это давало возможность обеспечить постоянную занятость большинству жителей, что очень важно для отдалённых периферийных районов. Деградация лесного хозяйства оказала негативное воздействие на все стороны повседневной жизни местного населения, оставила травматичные воспоминания: «...*Лесная промышленность тоже загублена. Лесокомбинат и лесхоз тоже уничтожены, путём всяких реорганизаций. У нас был сильнейший лесхоз, у нас столько кедров высаживали. Я сама была не однажды в питомнике... Ну, и что? Объединили взяли лесхозы под эгидой сначала Ольгинского района. Там сделали головное предприятие, потом вообще что-то реорганизовали. То есть так и наш лесхоз, все питомники уничтожили... А богатейшие у нас питомники по выращиванию кедров были*» [АОСПИ. Интервью D01, п. Кавалерово, Приморский край].

И численность сельского населения, и продуктивность сельского хозяйства во многом зависят от одних и тех же факторов: природных условий, расстояния до рынков сбыта (крупных городов), размера государственных дотаций. По мнению Т.Г. Нефёдовой, порог плотности населения в 10 чел. на кв. км является решающим для достижения хотя бы средне-российских показателей урожайности. Большая часть территории Дальнего Востока из-за суровых природных условий и низкой плотности населения относится к «чёрным дырам», т.е. проблемным и безнадёжным с точки зрения рыночной эффективности сельского хозяйства районам [17].

В 1980-е гг. сельское хозяйство на Дальнем Востоке развивалось экстенсивно, но довольно успешно. Площадь пашни в 1965—1985 гг. увеличилась на 23,3%, а объём валовой продукции отрасли — на 174,6% (в сопоставимых ценах). Такой рост был обеспечен за счёт больших дотаций [26, с. 83].

В 1990 г. инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и водохозяйственное строительство в российских сёлах достигли 18% от общего объёма капиталовложений в экономику. Рентабельность аграрного производства достигла 43%, а финансово-хозяйственная деятельность в целом — 37%. Оплата труда крестьян составила 95% от средней зарплаты по экономике в целом [26, с. 89].

В 1990-е гг. с проведением рыночных реформ в аграрном секторе обстановка в дальневосточном агропромышленном комплексе (АПК) резко ухудшилась [7]. Расходы федерального бюджета на сельское хозяйство неуклонно снижались. В 1991 г. они составляли 19,8%, а с 2000 г. находятся в пределах 2—0,7%. Резко упала доля данного сектора в общем объёме инвестиций в экономику региона — с 15,4% в 1990 г. до 0,9% в 2007 г. В это же время собственные источники предприятий изымались диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Зарплата в аграрном секторе в 1990-е гг. стала составлять менее 50% от

средней по экономике. (Для сравнения — господдержка АПК в ЕС в 2014 г. составляла 38% от общего бюджета государства.) [26, с. 90].

Диспаритет цен, который нарушает эквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, является одной из сложнейших проблем в АПК. Если в 1991 г. для приобретения 1 т дизельного топлива хозяйство должно было продать 4 ц пшеницы, то в 2006 г. — уже более 3 т. Покупка трактора подорожала в «пшеничном» эквиваленте почти в 7 раз: с 36,8 до 240 т. На Дальнем Востоке за 1991—2008 гг. цены на приобретаемую промышленную продукцию выросли в 698 раз, а на реализованную сельскохозяйственную продукцию — всего в 74 раза. Разница в повышении цен более чем девятикратная [26, с. 83].

В результате проведения реформ в ДФО среднегодовое производство зерновых культур в 1991—2001 гг. сократилось в 2,9 раза, в том числе сои — в 1,9 раза. Производство овощей уменьшилось в 1,2 раза. Производство картофеля за счёт личных подсобных хозяйств населения увеличилось на 3,1%. При этом в Амурской области и Приморском крае, на долю которых в 1990 г. приходилось 89,9% зерновых культур, производство уменьшилось в 3,1 раза [26, с. 86]. Объём продукции животноводства на Дальнем Востоке резко шёл на убыль до 2005 г. В 2005 г. по сравнению с 1990 г. производство молока сократилось в 2,7 раза, мяса — в 3,7 раза, яиц — в 2,1 раза [26, с. 89].

В целом для работников сельского хозяйства ДФО, особенно северных районов, рыночные реформы означали потерю стабильной работы и постоянного дохода. По словам мэра Углегорского района (2013 г.): *«У нас раньше было 10 тыс. га возделанной земли, сейчас всё брошено, практически ни один человек не оформил свой пай... Совхоз Краснопольский был одним из лучших на Дальнем Востоке и в Сибири. 10 тыс. голов скота. Осталось 18 штук. Во всём районе — 1300, десятая часть. И всё заросшее вокруг, все поля»* [АОСПИ. Интервью А007, Углегорский р-н, Сахалинская обл.].

Закрытие или кардинальное сокращение промышленных предприятий, сельскохозяйственных организаций и леспромхозов, лесхозов и охотничьих хозяйств привели к массовой безработице и прекаризации населения отдалённых посёлков и малых городов: люди были вынуждены соглашаться на частичную, временную или теневую занятость, без соблюдения трудового законодательства и предоставления социальных гарантий.

Приходится согласиться с Т.Н. Тимофеевой, что «за годы социокультурных трансформаций жизнеобеспечивающая система многих поселений на периферии значительно сузилась, остались лишь обрывки нитей прежней системы, за которые ухватились жители в поисках жизненного ресурса. В посёлке больше нет ничего системообразующего. Отсутствие каких-либо структурирующих локальных категорий — общего социального времени, ресурсных и плотных социальных сетей, точек экономической активности и т.д. — не позволяет возникнуть устойчивым жизненным стратегиям» [27, с. 210].

Сокращение населения («западный дрейф» и «выморочность» поселений). Дальний Восток России и Восточная Сибирь относятся к выделенной Н.В. Мкртчяном «зоне оттока», где все без исключения регионы теряют население в обмене с территориями, расположенными ближе к западу (см. табл. 1). Ближайшим к Дальнему Востоку местом, где данный отток замедляется и начинает компенсироваться за счёт миграции, является Красноярский край, который собирает население из регионов, расположенных к востоку от него. Приморский, Хабаровский (с Еврейской АО, ранее подчинённой ему административно) края и Амурская область получают население из северных регионов Дальнего Востока, а также из Читинской области. За счёт мест, расположенных в отдающей зоне, в 1991—2003 гг. Красноярский край (с Хакасией) компенсировал до 50% оттока на запад, Хабаровский край — более 20%, Амурская область и Приморский край — 10—15%. Это означает, что реальную, ощутимую компенсацию потерь за счёт «западного дрейфа» начинают получать уже области, расположенные в центре Сибири. Здесь выходцы с российского Дальнего Востока и Севера Сибири находят достаточное количество «благоприятных возможностей» для расселения [14].

Таблица 1

Нетто-миграция отдельных регионов отдающей зоны в 1991—2000 гг., тыс. чел. [14]

Регион	Всего	В том числе за счёт регионов:	
		отдающей зоны	других зон
Красноярский край	–107,5	27,1	–134,6
Хабаровский край	–67,3	11,0	–78,3
Приморский край	–74,3	16,0	–90,3
Амурская область	–46,5	8,9	–55,4

Наибольший миграционный отток шёл из Якутии, Магаданской, Сахалинской, Камчатской (с Корякским АО) областей, Чукотского АО. Все негативные процессы, характерные в 1990-е гг. для периферийных территорий, здесь выражены в наибольшей степени. Они усиливаются почти полным отсутствием железных и автодорог. Основные виды транспорта в данных регионах — авиа-, морской или речной, причём последние два доступны только в период короткой летней навигации [14].

Если рассматривать миграцию в пределах Дальнего Востока, видно, что внутри него есть свои регионы-лидеры, население которых относительно стабильно, и аутсайдеры, теряющие жителей. Кроме региональных столиц с агломерациями (Хабаровска, Южно-Сахалинска, Благовещенска), в 1989—2002 гг. небольшой прирост населения отмечался в Лесозаводском (+8,2 тыс. чел.) и Уссурийском (+26,5 тыс. чел.) городских округах, Хабаровском (+4,9 тыс. чел.) и Благовещенском (+0,5 тыс. чел.) муниципальных районах [30, с. 408]. Интенсивность депопуляции определяется

удалённостью от региональных центров: самые дальние и северные поселения либо прекращают своё существование, либо почти полностью пустеют.

Общероссийское сравнение данных об изменении численности населения низовых административно-территориальных единиц (АТЕ) в зависимости от удалённости от регионального центра осуществлено Л.Б. Карачуриной и Н.В. Мкртчяном (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в 1989—2002 гг. в зависимости от удалённости от регионального центра [10]

Удалённость от регионального центра, км	Федеральные округа, прирост-убыль, %						
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,6
до 30	-1,5	-3,0	7,7	-2,4	-2,0	-1,1	-6,4
31—50	-4,3	-7,8	3,1	-4,9	-6,1	-3,3	-21,3
51—100	-6,0	-5,3	6,1	-0,8	-6,2	-6,5	-19,8
101—150	-9,0	-6,0	8,3	-5,2	-9,1	-9,3	-10,1
151—200	-9,0	-14,4	7,0	-4,9	-5,4	-5,7	-9,2
201—250	-9,3	-19,4	8,8	0,6	3,4	-8,9	-18,0
251—300	-7,0	-22,1	0,2	-0,4	-15,5	-10,9	-19,2
301—400	-8,0	-14,9	4,9	-2,0	-5,7	-10,8	-15,2
401—500	-19,8	-16,5	6,5	5,0	-2,5	-4,2	-20,1
501 и более	—	-22,7	—	-5,3	-2,0	-16,4	-33,4

Статистика не в состоянии показать, чего стоил вынужденный отъезд из закрытых или умирающих поселений для людей с семьями, какие трудности им приходилось преодолевать. Немногие могли переехать сразу в Европейскую Россию, тем более в столицы. Это было доступно только тем, кто имел там жильё и/или родственников, востребованную специальность, значительные накопления. Большинству приходилось переезжать из закрытого посёлка в ближайший населённый пункт, где было свободное жильё. Однако такое жильё имелось только там, где не стало работы. Тогда один или несколько членов семьи уезжали в поисках работы в региональные центры, «на северá», «на вахты». Если им удавалось закрепиться на новом месте и накопить немного денег, они перевозили семью ещё раз, хотя бы в районный центр, где сохранились социальная инфраструктура и рабочие места в бюджетной сфере. Жители райцентров, в свою очередь, устремлялись дальше — в областные или региональные столицы. Главным сдерживающим фактором была разница цен на жильё (в 10 и более раз) и высокие затраты на переезд.

Семьи делали всё возможное, чтобы отправить детей на учёбу в крупные города, затем купить им там квартиру: *«Была острая необходимость учить детей... Крутились как могли... когда работа была, за неё хваталась, чтобы поставить детей на ноги... Одна дочь училась в Новокузнецке в академии госслужбы, а вторая в ДВГТУ во Владивостоке, сейчас работают в Южном... Старшая получила квартиру по программе, младшей квартиру купили, частично в ипотеку»* [АОСПИ. Интервью А005, г. Шахтёрск, Сахалинская обл.]. Позднее иногда и родителям удавалось переехать к взрослым детям и воссоединить семью. Этот путь мог занимать 15—20 лет.

Отток населения из отдалённых сёл в города, особенно депрессивные, изменял образ жизни как местных, так и приезжих не в лучшую сторону: *«Грабёж здесь страшный — все на виду: хаматорская женщина получила расчёт на ЦОФе (обогащительная фабрика. — Ю.К.) 5 тыс. руб. — её убили и ограбили, осталось трое детей; В.И. собралась лететь в Хабаровск, сумки поставила на ночь на балкон (5 этаж) — слизнули; из квартир воруют посуду, тряпки, из холодильника не брезгают ничем. Базар убогий, людей мало — уехали очень многие, а пополняются в основном людьми из посёлков: Тельновска, Лесогорска, Ударного. Представляешь, какая публика? В нашем доме осталась третья часть старых жильцов, часть вымерла, часть — уехала»* [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 14.06.1999].

За период между переписями населения 1989 и 2002 гг. в России перестало существовать около 10,7 тыс. населённых пунктов (7,5%). Число поселений, не имеющих постоянных жителей, увеличилось на 40% и достигло 13,1 тыс., доля поселений с числом жителей до 10 чел. возросла с 19,7 до 22,4%. Средняя плотность сельского населения снизилась с 2,3 до 2,2 чел. на 1 кв. км [3, с. 72]. На Дальнем Востоке до 2003 г. в сокращении численности населения преобладающую роль играл миграционный отток, причём уезжали работоспособные квалифицированные специалисты. Позднее в обезлюдении территорий, особенно сельских, всё больший вес приобретала естественная убыль. К 2008 г. фактор естественной убыли стал в 4 раза весомее миграционного [6, с. 71].

Выморочность периферийных поселений — не только сёл, но и малых городов ДФО — в 1990-е гг. ярко проявляется в биографических источниках: *«В Надеждино не была (там на 1 Мая убили Сергея Г. и У.), так мне что-то аж дурно. Покойников здесь много — хоронят враз по 3 гроба, на кого ни глянешь — одни старики и старухи. Так что нужно оседать капитально не тут — молодым тут вообще делать нечего»* [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 14.06.1999].

Таким образом, в условиях депопуляции и деградации социальной среды жителю дальневосточной периферии приходилось всё время «бежать с тонущего корабля». Непредсказуемость ситуации при этом была очень высокой, «корабли», так сказать, тонули один за другим, а усилия и средства, затраченные на переезд и обустройство на новом месте, раз

за разом шли прахом. Эти риски и потери не просто переводили личную и семейную судьбу из режима развития в режим выживания. В конечном итоге они означали бесплодное растрачивание народных сил, консервацию разрухи вместо создания новой экономики и более рациональной жизни.

Деградация социокультурной сферы (инволюция социального пространства и повседневных практик). В 1990-е гг. резко возросло не только социальное, но и региональное расслоение. При этом Дальний Восток оказался в числе регионов с самым низким уровнем и качеством жизни и с самыми высокими человеческими издержками на адаптацию к новому режиму [15, с. 67].

По мнению М. Буравого, социокультурное пространство постсоветской периферии пострадало от «инволюции» (буквально — «свёртывания») — перераспределения ресурсов с понижением общего цивилизационного уровня общества: «Какой бы мерой мы ни мерили (в человеческих ли жизнях, в объёмах ли капиталовложений и выработки), ясно одно: будущее принесено в жертву рыночному утопизму. Таковы последствия экономической инволюции для человека... Российский региональный капитал эксплуатирует все имеющиеся у него ресурсы, чтобы угнаться за уровнем жизни развитых стран, однако при этом огромное большинство остаётся за бортом, ему остаётся надеяться только на себя и на свою землю. Россия разрывается между двумя расходящимися галактиками — социетальной инволюцией и международным блеском, связанными между собой нитями гибких курсов валют. Скорость, с какой одна галактика движется во времени вперёд, определяет скорость, с какой вторая уходит в прошлую эру» [5].

«Уход в прошлую эру» для всей постсоветской периферии означал рост таких негативных явлений, как безработица, массовая бедность, недоступность образования, медицинской помощи, культурных, торговых, бытовых услуг, нравственная деградация, социально-психологический стресс, порождённый отступлением от ранее завоёванных позиций, неуверенностью в завтрашнем дне, «отсутствием света в конце туннеля» [4, с. 100]. В рассказе Е. Мамонтова в немногих словах отражён типичный пример инволюции поселения на Дальнем Востоке: «Раньше это был посёлок городского типа, там был завод и на заводе делали бетон. Теперь цеха заросли бурьяном, а жители перешли с бетона на брагу и куроводство. Из браги гнали крепкий самогон и закусывали курочкой, тоскуя по былому индустриальному величию посёлка, вспоминая, у кого какая была должность на заводе и зарплата в пересчёте на тогдашние поллитры» [8, с. 53].

Основная причина широкомасштабной бедности на селе — низкая доходность сельскохозяйственной занятости. С 1994 г. сельское хозяйство по уровню оплаты труда находится на последнем месте среди отраслей отечественной экономики, и межотраслевой разрыв увеличивается с каждым годом. В среднем за 1 час работающий в сельском хозяйстве

получает 14 руб., тогда как в промышленности — 50 руб. Реальная заработная плата в аграрном секторе в 2003 г. составляла 35% от уровня 1990 г. Более 2/3 работников сельскохозяйственных предприятий имеют зарплату на уровне или ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. Это означает, что в отрасли абсолютно преобладают не экономические, а физические рабочие места, не обеспечивающие физиологического выживания семьи и самого работника. Структура потребления сельского населения в значительно большей мере, чем городского, отклоняется от медицинских норм, разработанных в нашей стране в 1980-е гг. [3, с. 75].

В 1990-е гг. сильно деградировала социокультурная сфера русского села. Создаваемый в течение многих десятилетий потенциал сельских школ, детских садов, клубов, больниц, амбулаторий и т.д. сокращался из года в год. За 1991—2003 гг. сёла потеряли 19,8 тыс. детских садов (49%), 8,2 тыс. начальных и основных школ (27,5%), 1,8 тыс. участковых больниц (38%), 15,6 тыс. клубов (25%), 4,3 тыс. библиотек (4,3%), 9 тыс. почтовых отделений (10%), практически полностью оказалась разрушенной система бытового обслуживания. За период между переписями 1989 и 2002 гг. обеспеченность сельских поселений основными объектами социальной сферы значительно снизилась, а радиус их доступности — увеличился [3, с. 76].

На Дальнем Востоке перечисленные выше проблемы приобретают гипертрофированный размер из-за огромных расстояний и экстремальных природных условий. Для граждан дальневосточной периферии важнейшим контрагентом в повседневной борьбе за выживание в 1990-е гг. стала не власть и не бизнес, а природа. В условиях деиндустриализации и сокращения социальных обязательств государства природа служила важнейшим ресурсом выживания дальневосточников, но она же была источником смертельных рисков и фактором одичания местных социумов.

Цунами, наводнения, землетрясения, низкие температуры, снежные заносы и опасные животные являются постоянными рисками, которые увеличивают издержки дальневосточной повседневности. Это хорошо прослеживается в биографических источниках: «...*Двое суток ночевали на делянке возле дома, как и все люди. И говорят, что дома раскочались. Следующее землетрясение будет очень опасно. Подвалы постоянно затопляются весной и осенью, крысы ходят пешком. Библиотека наша тоже находится в аварийном здании <...> в квартирах много лет зимой было 6—7 градусов тепла*» [АОСПИ. Интервью А018, г. Шатёрск, Сахалинская обл.].

Стремясь вернуть повседневности её «нормальный» характер, граждане применяли доступные практики адаптации и вместо поддержки от «социального государства» получали помощь только от родной природы: «...*Ты обо мне не беспокойся — всё нормально со всех сторон: езжу на Родину, бегаю на природу — ягоды в этом году собираю понемногу — столько неработающих людей и все бегут в лес на заработки, так что*

не успеет что поспеть — всё выбирают; но нам много и не надо, а продавать приходится долго. Деньги даже на День шахтёра не дали — безденежье страшное, пенсии тоже задержали на месяц, а сентябрьские обещают в октябре. Жизнь в Шахтёрске дорожает (казалось бы, куда ещё), много людей уезжает, особенно пенсионеры. <...> Береги себя, будь осторожна, ведь живёшь среди воря. <...> Здесь живу неприкаянно и, как быть, не знаю, всё жду, что всё как-то решится, а решать-то, видимо, нам надо самим и чем скорее, тем лучше» [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 01.09.1996].

По дальневосточной периферии хорошо видно, что торговля и сфера услуг в основном зависят от покупательского спроса, который создаёт добывающая промышленность (природная рента): *«У нас предприниматели это... жили маленько. То лесники вроде как лес сдадут, лесной период заканчивается, получали зарплату — значит, несли в торгующую организацию, что-то покупали. Точно так же как шишка была. Уже несколько лет нет шишки. Люди всё-таки заготавливали, шишки сдадут — опять же что-то живут, что-то покупают. Рыба. А бывает год — вот нет вообще рыбы... Ольгинский район, это... они живут на рыбе»* [АОСПИ. Интервью D01, пос. Кавалерово, Приморский край].

Когда доступа к природной ренте у местного населения нет, мелкий бизнес может рассчитывать только на средства работников госбюджетной сферы (социальная рента): *«Сейчас все или многие кормятся около пенсионеров — такое наше правительство, ему не нужны люди своей страны. Так надоело смотреть, как все маются, и где он, конец мучениям»* [АОСПИ. Письмо из г. Углегорска Сахалинской обл., 07.03.1998].

В 1990-е гг. шёл постоянный рост экстрактивности экономических институтов, т.е. сужение доступа местного населения к ресурсам (как природным, так и бюджетным) или рынкам сбыта. Не только охота, ловля рыбы или рубка леса, но даже сбор сухостоя превратились в запретные занятия. Таким образом, государство лишило дальневосточников рабочих мест, а промыслы местных жителей расценивались им как криминальные. С середины 1990-х гг. на территории Приморского и Хабаровского краёв всё чаще задерживали браконьеров с добычей — лапами и жёлчью медведей, пантами северного оленя, мускусной железой кабарги, шкурой рыси, сушёным трепангом и т.д. По оценкам экспертов Фонда дикой природы, объём вывоза корней женьшеня из Приморья в Китай с 1992 г. до середины 2000-х гг. достигал до 1000 кг в год, объём нелегальной торговли мускусной железой кабарги в 1999—2000 гг. составлял 400—450 кг, что в 5 раз превышало разрешённые нормы [13, с. 30].

Жизнь на периферии была одновременно более «бедной» (по доходам) и «дорогой» (по расходам), чем в центре: *«Продукты здесь дорогие страшно — хлеб 5 тыс. р., овощи-фрукты — в три раза дороже владивостокских, зато квартиры дешевлеют со страшной силой — все отсюда бегут, мне город показался пустым по сравнению с Владивостоком. <...>*

Ещё не торговала, продавцов поубавилось вдвое, покупателей ещё меньше, никто ничего не покупает, денег не платят, обе шахты бастуют, дело идёт к закрытию» [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 20.06.1997].

Анализ изменения потребления продуктов на Дальнем Востоке в 1990-х гг. произвёл Г.И. Сухомиров (табл. 3).

Таблица 3

**Потребление основных продуктов питания
на душу населения в ДФО, кг [26, с. 90]**

Продукты	Норма	1990 г.	2000 г.
Мясо и мясопродукты	70—75	73	46
Молоко и молокопродукты	320—340	364	148
Яйца, шт.	260	284	162
Картофель	95—100	98	137
Овощи и бахчевые культуры	120—140	102	69

Сельское население Дальнего Востока питалось значительно хуже городского, структуры их питания сильно различались. В Хабаровском крае сельчане меньше горожан потребляют мяса и мясопродуктов на 37,2 кг, или на 50,7%, молока и молокопродуктов — на 84,6 кг (36,4%), яиц — на 8 шт. (4,6%), фруктов — на 42,5 кг (59,8%), овощей — на 3,2 кг (13,4%), при этом намного больше потребляют хлебопродуктов — на 53,4%, картофеля — в 2,2 раза. Следовательно, в сельской местности ДФО была более выражена модель тяжёлого углеводистого типа питания. Это отрицательно сказывалось на качестве и продолжительности жизни дальневосточников [24, с. 102].

Дальневосточная периферия включает как сельские поселения, так и посёлки городского типа и даже малые города, в том числе районные центры с численностью населения до 25 тыс. чел. На Дальнем Востоке, как и в современной России в целом, реальный уровень урбанизации не совпадает с формальным. Во многих городах и посёлках городского типа сельская застройка «частного сектора», а также наличие огородов и содержание скота — обычное явление. Характерным признаком сельского дома в России можно считать уборную во дворе, т.е. отсутствие канализации [18]. Только 20% дальневосточников в 1990-х гг. пользовались газом, в то время как в России этот показатель составлял 75%. Причём в Сахалинской области, где добывают газ, дома не газифицированы и в 2018 г. [15, с. 56].

Периферийные поселения в 1990-е гг. (да и позднее) демонстрировали деградацию (инволюцию) социальной среды: *«...Пугают огромные дома с зияющими дырами вместо окон, очень много бесхозяйственности. Смотри на другие города, конечно, становится грустно. Это в целом проблема многих шахтёрских городов, они медленно умирают, хотя*

если говорить о крупных шахтёрских городах, то там всё двигается аршинными шагами, яркий пример — Новокузнецк с его программой переселения из ветхого жилья, и многие другие вещи. Особенно остро стоит проблема с дорогами... Дороги стоят ещё с 1971 г., нет никакого развития. Ильинск, Взморье — такие же развалины. Сахалин очень плохо развивается. Может быть на севере ситуация лучше, я не знаю, я там редко бываю. Но центральная часть на уровне развала, в любой области. Нет никакой весомой поддержки от государства. Даже подъезды нам приходится ремонтировать за свой счёт, выбить средства из госбюджета просто невозможно» [АОСПИ. Интервью А005, г. Шахтёрск, Сахалинская обл.].

В советский период предприятие (промышленное или сельскохозяйственное) служило основой моногорода или посёлка городского типа и определяло все стороны повседневности его жителей: уровень дохода, специфику трудовых ритмов, характер социальных отношений. Поэтому закрытие или сокращение производства имело разрушительные социальные последствия, маргинализировало население, особенно мужское.

Настоящим бедствием для инфраструктуры периферии в 1990-х — начале 2000-х гг. оказалась «алюминиевая лихорадка», т.е. действия «металлистов» — сборщиков и продавцов металлолома. Их «жертвами» становились высоковольтные линии, телефонные и телеграфные кабели, оборудование предприятий. Так, в июне 2001 г. расхитители металла украли 5 км алюминиевого провода со столбов в пос. Белые Ключи (Сахалинская обл.). Они бульдозером повалили деревянные опоры линии электропередач. Впрочем, через несколько лет пос. Белые Ключи всё равно закрыли. Пик подобных правонарушений пришёлся на 1994—1996 гг., что совпало с пиком экономического кризиса. До 60% таких преступлений совершалось в сёлах и пригородах, что стало отражением неблагоприятной экономической ситуации в глубинке [13, с. 29].

Специфически дальневосточной проблемой была оторванность от «большого мира», где у многих жили родственники и друзья: «...У меня была бабушка на Украине, в Полтаве. Мы к ней постоянно ездили в советские годы, до 1992 г. И потом у нас был очень большой перерыв, мы откладывали деньги на отпуск целенаправленно, копили-копили и в 1998 г. поехали — и там случился дефолт и мы оказались на Украине без денег, без обратного билета до Москвы. Рубли не принимали тогда. Удачно, называется, съездили» [АОСПИ. Интервью А021, г. Петропавловск-Камчатский].

Трудности выживания и вынужденная разлука с родными заставляли семьи искать способы воссоединения, а у старшего поколения актуализировали традиционную матрицу крестьянского мира, включающего в число домочадцев не только людей, но и животных: «Здравствуйте мои дорогие, хорошо, что вы отыскались, а то хоть вой на луну. У нас всё хорошо — тепло и сытно, дед работает, я сторож домашний с Цыганом и Мурзиком, ещё куры, но они трудяги — несутся и на продажу,

чтобы выручить корм. Володя начинает работать в офисе, Лена в торговле, Лера учится, Саша — неизвестно. <...> Послали ему денег, сейчас у него нет, он зимой не работает, вот и хочется к нему поближе. <...> Насчёт переезда нам всё равно, где жить. Уезжают, кто только может» [АОСПИ. Письмо из г. Углегорска Сахалинской обл., 07.03.1998].

Девяностые годы были временем очень своеобразным, характер и итоги «рыночных реформ» до сих пор вызывают острые дискуссии в обществе и среди учёных. Современники же были вынуждены принимать решения в условиях высоких рисков и неопределённости. Жители дальневосточной периферии весьма трезво оценивали происходящие перемены и суть «рыночных реформ». Уже в 1992 г. возникло определение «лихие 90-е»: *«...Сейчас время лихое — 93-й год обещают ещё хуже — надежда только на самих себя — на разум и труд. <...> У нас на работе и в быту одна нервозность — надоело всё это — нужно что-то предпринять и руководствоваться при этом только своими интересами. <...> Зарплату нам в этом году задержали, ещё не было ни з/п, ни пенсии, обещали повысить, а вместо этого вообще ничего не дают, но на днях обещают» [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 13.01.1992].*

Отмеченная в данном письме реакция на «лихое время» опровергает неолиберальное представление о «патернализме» и «иждивенческой установке», якобы свойственных советскому человеку как таковому. Автор письма — работающая пенсионерка, которая пытается также приторговывать на рынке, — полагается только на себя в решении тех проблем, которые создала отнюдь не она.

Некоторые аспекты «рынка», например ваучерная приватизация, в личных источниках предстают в совершенно иррациональном и абсурдном виде, они находились за пределами здравого смысла обычного человека, опыта такого рода ни у кого не было: *«...Ваучер я свой получила, лежит в холодильнике. Теперь занимаюсь пропиской — взяла ходатайство из профкома, надеюсь скоро прописаться. <...> Вот приезжай, я тебе расскажу, как я ваучер получала — ты умрёшь со смеху. Это не опишешь, я не Гоголь. Я, как человек без прописки, получала ВЧ вместе с бомжами — таких типов насмотрелась — не хуже, чем в Чиве (пос. Надеждино. — Ю.К.) кадры. Повеселилась от души. Жаль только запах от них тяжёлый, в закрытом-то помещении» [АОСПИ. Письмо из г. Владивостока, 28.01.1993].*

Почти в каждом биографическом источнике звучит один постоянный рефрен — о необходимости отъезда туда, где есть жизненные перспективы: *«Тебе, А., сейчас лучше не ехать домой — квартиры сейчас никто не покупает, все притихли или, вернее, замерли, что будет дальше — никто не знает. Но всё равно уезжать нужно, здесь делать нечего» [АОСПИ. Письмо из г. Углегорска Сахалинской обл., август 1998 г.].*

Действия властей воспринимаются как часть объективных трудностей (наравне с климатом), а политические оценки в письмах встречаются

очень редко и носят нелестный характер: «...У нас похолодало, ветра дуют с севера, дождик каждый день, но дома тепло, а город мёрзнет, все нас испытывают. Ельцин на 3-й срок метит, чтобы ему пусто было» [АОСПИ. Письмо из г. Углегорска Сахалинской обл., 12.10.1998].

Одним из способов определения ситуации и преодоления жизненных трудностей были ирония и юмор: «Говорят, билеты на самолёт подорожают. Но это ладно — куда ж мы денемся — назло рыжему Брысю³ будем летать, не глядя ни на что» [АОСПИ. Письмо из г. Шахтёрска Сахалинской обл., 25.03.1992].

ВЫВОДЫ

В основе кризиса повседневности лежит реструктуризация основных отраслей экономики на дальневосточной периферии, результатом которой стало уменьшение возможности обеспечить прежний уровень жизни посредством трудоустройства по специальности. Постоянная работа с высоким доходом и социальными гарантиями сменилась неформальной, временной, частичной занятостью без правовых гарантий и с низким заработком, задержками, а иногда — полным отсутствием зарплат, т.е. происходила прекаризация труда.

Само проживание на географической периферии привело к вытеснению большей части населения на периферию социальную, подразумевающую понижение статуса, сужение возможностей, усиление эксплуатации и утрату защищённости. Жизнь на периферии парадоксальным образом является *бедной* и *дорогой* одновременно. При этом и цена изменения места жительства для дальневосточников на порядок выше, чем для жителей других регионов.

На дальневосточной периферии преобладала инволюция социального пространства: рыночные реформы проводились за счёт ресурсов советского прошлого так, что произошло снижение статуса рабочих и вообще лиц наёмного труда, усилились дискриминация и социальное исключение на рабочем месте. Перетекание наёмных рабочих в рыночную сферу услуг было ограничено экстрактивными институтами, т.е. выкачиванием из региона природной и социальной ренты. Поэтому в рыночной сфере труд и социальный статус работников (в том числе самозанятых) также обесценивались, а социальное положение оставалось бесперспективным, беззащитным и нестабильным.

Коммерциализация производства и социальной сферы без учёта объективных условий Дальнего Востока вызвала на периферии не просто деиндустриализацию, а крутой исторический поворот к домодерной стадии. Важнейшим контрагентом местных жителей стали природа в её самом

³ «Рыжий Брысь» здесь — это иронический гибрид Ельцина (Бориса) и Чубайса (рыжего), а также глагола «брысь».

первозданном виде и простые промыслы: рыбная ловля, охота, сбор дикоросов, натуральное хозяйство на приусадебных участках. Это изменение образа жизни сопровождалось разрушением цивилизованной среды обитания — дорог, систем ЖКХ, здравоохранения, образования и культуры. Отток населения является как следствием, так и важнейшим фактором кризиса повседневности на Дальнем Востоке. Будучи рациональным индивидуальным выбором в условиях инволюции среды и усиления экстрактивности институтов, в общерегиональном плане он лишает Дальний Восток шансов на реализацию масштабных проектов развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // *Пространственная экономика*. 2017. № 3. С. 3—106.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
3. Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // *Социологические исследования*. 2005. № 11. С. 69—76.
4. Буздалов И.Н. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // *Общество и экономика*. 2014. № 7—8. С. 100—124.
5. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/336/358/1217/burawoy15.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
6. Ващук А.С. Демографические угрозы и миграционные риски на юге российского Дальнего Востока в начале XXI в. // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2010. № 4 (15). С. 65—73.
7. Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX — начало XXI в.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2015. № 4 (35). С. 7—19.
8. Волкова Е.С. Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX—XXI вв. в зеркале художественной литературы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 46—57.
9. Зарубина Н.Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 52—58.
10. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центрo-периферийной концепции пространственного развития (1989—2002 гг.). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit04.php> (дата обращения: 15.12.2018).
11. Ковалевская Ю.Н. Холодная зима 1998 г.: социальный коллапс в г. Усть-Камчатке // *Россия и АТР*. 2010. № 3 (69). С. 63—70.
12. Краснянский Г. Уголь России: 20 лет спустя // *Российская газета*. 2015. № 6788 (217). 28 сент. URL: <https://regnum.ru/news/1979893.html> (дата обращения: 15.12.2018).
13. Крушанова Л.А. Девиации и деструкции в советском и постсоветском обществе во второй половине 1980-х — 1990-е гг. как отражение социальных трансформаций (на примере Дальнего Востока) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2015. № 4 (35). С. 20—35.

14. Мкртчян Н.В. Миграция в России: западный дрейф. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema05.php> (дата обращения: 15.12.2018).
15. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2009. № 2. С. 47—67.
16. Мошков А.В. Динамика и инерционность территориально-отраслевых систем промышленности Дальнего Востока России. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3963> (дата обращения: 15.12.2018).
17. Нефёдова Т.Г. Низкая плотность населения не способствует эффективности сельского хозяйства. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema05.php> (дата обращения: 15.12.2018).
18. Нефёдова Т.Г. По «бытовой» урбанизации Россия ближе к Мексике, чем к США или Франции. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema02.php> (дата обращения: 15.12.2018).
19. Нефёдова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // *Региональные исследования*. 2008. № 5. С. 14—31.
20. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
21. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 256 с.
22. Решение по делу о включении в список высвобожденных работников ликвидированных организаций угольной промышленности на получение социальных выплат. URL: http://infocourt.ru/car_uglegorskiy-sah_sahalinobl_dvfo/gr/229813/reshenie-po-delu-o-vklyuchenii-v-sписок-vysvobozhdennyh-rabotnikov-likvidirovannyh-organizacij-ugoln.html (дата обращения: 28.11.2013).
23. Римская Т.Г. Рыбная отрасль Дальнего Востока России в период рыночных преобразований второй половины 80-х — начала 90-х гг. XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 2. С. 46—64.
24. Сухомиров Г.И. Продовольственная безопасность Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 101—108.
25. Сухомиров Г.И. Ресурсы охотничьего и природного плодово-ягодного хозяйства на Дальнем Востоке // *ЭКО*. 2014. № 9 (483). С. 107—117.
26. Сухомиров Г.И. Условия и тенденции развития сельского хозяйства Дальневосточного федерального округа // *Пространственная экономика*. 2011. № 1. С. 81—92.
27. Тимофеева Т.Н. Посёлок: обрывки системы // *Пути России. Новые языки социального описания*. М.: НЛО, 2014. Т. 19. С. 199—211.
28. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
29. Троцук И.В. «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // *Пути России. Новые языки социального описания*. М.: НЛО, 2014. Т. 19. С. 173—191.
30. Чернолуцкая Е.Н. Демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX — начале XXI в.: государственные программы и жизненные реалии // *Современные проблемы регионального развития* / под ред. Е.Я. Фрисмана. Биробиджан, 2018. С. 407—410.
31. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
32. Экономическое развитие Дальневосточного региона. URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/materials/regionovedenie/part8/ (дата обращения: 15.12.2018).
33. Ярошенко С.С. Лишние люди или режим исключения в постсоветском обществе // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 4. С. 60—79.
34. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН).